

Парилов Олег Викторович

Oleg V. Parilov

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Постмодернистская деконструкция института международного права

The post-modern deconstruction of the international law institution

В своей монографии Р. З. Рувинский убедительно показал, что деконструкция (в его терминологии — «деструкция» международного права) — это звено в цепи тотального разрушения государственности и правопорядка в современную эпоху глобального кризиса¹. Очевидные признаки этого разложения — дискредитация государства как субъекта международного правопорядка, эрозия права, выразившаяся в исключительном нормотворчестве и избыточном регулировании, юридическом релятивизме, пристрастии к чрезвычайщине. Верно отмечено, что кризис государственности неизбежно влечет и разрушение как национального, так и наднационального права. Как следствие, международное право элиминируется, поскольку перестает исполнять свою главную функцию, ради чего оно и создавалось — регуляция отношений между государствами. Однако на проблему можно взглянуть шире: кризис международного права есть звено в цепи тотальной деконструкции, децентрации бытия в современную эпоху постмодерна.

Мир традиции (а это практически вся человеческая история вплоть до XVII века нашей эры) был подлинно онтологичен, ибо утверждал бытие на прочных метафизических основаниях². Эпоха традиции — это эпоха сакрализации государства и права, время «больших», преодолевающих узкие пределы эмпирического идеологий³. «Расколдование мира» в эпоху модерна (XVII в.) означало не что иное, как процесс дезонтологизации. Бытие, лишенное метафизического базиса, сведенное в эмпирическую плоскость, неизбежно распалось на разрозненные осколки — предметы, приспособляемые отныне пытливым умом Нового времени к «собственным хотеньям» (К. С. Льюис). Государство, право, идеологии неизбежно вульгаризируются, становятся слишком земными. Бытие в эпоху Нового времени трансформируется в реальность (от латинского — «res», что значит «вещь», но в ее вульгарном понимании). Современный постмодерн доводит до логического завершения установки модерна. Модерн отказался от священного, сакрального — постмодерн объявляет сакральному войну (если модерн материалистичен, то постмодерн инфернален). Модерн дискредитирует бытие, трансформируя его в реальность — постмодерн уничтожает и саму реальность, превращая ее в скопище бессодержательных симулякров. Модерн профанирует, «заземляет» идеологии, смыслы и цели — постмодерн вызывающее антителиологичен, глумится над высокими смыслами и целями, заполняет пространство бесовским играми. Сакральное сознание традиции постулировало творение мира Богом из ничего⁴. Модерн вычитает божественную первопричину, без которой мир в сущности своей ничтожен. Эту ничтожность и обнажает современный постмодерн. Государственная, правовая жизнь становится аренной бессмысленных игр, пронизанных дьявольской иронией. Международное право превращается в игровой симулякр: красивым фасадом прав человека и демократии прикрывается артикуляция грубой силы, сиюминутные геополитические и экономические интересы, удовлетворение грубых инстинктов.

Институт международного права есть порождение западной цивилизации эпохи Нового времени. Вестфальский мирный договор (1648 г.), завершивший опустошительную для европейских стран тридцатилетнюю войну, утвердил ключевые принципы международного права — государ-

¹ См.: Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформация, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020.

² Парилов О. В., Треушников И. А. Проблема «Запад — Восток» в русской религиозной философии XIX — начала XX века. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999.

³ Парилов О. В., Треушников И. А. Проблема «Запад — Восток» в русской религиозной философии. Н. Новгород: НА МВД России, 2002.

⁴ Шапошников Л. Е., Пушкин С. Н., Касьян А. А., Парилов О. В. [и др.]. Теология. Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, 2015.

ственный суверенитет, право наций на самоопределение, свободу вероисповедания. С этого времени международное право становится инструментом регуляции межгосударственных отношений на принципах равенства государств и недопустимости вмешательства во внутренние дела. В эпоху позднего модерна (середина XX в.) западная цивилизация выступила инициатором возвышения института международного права в смысле утверждения его доминантности над правом национально-государственным. Цитируемые Р. З. Рувинским авторы бестселлера «Империя» М. Хардт и А. Негри справедливо усмотрели в образовании ООН начало дискредитации национально-государственного суверенитета. Так был открыт путь к Империи, то есть к глобальному миропорядку, а к исходу XX столетия — к глобальному кризису. С одной стороны, ООН легитимирует государственный суверенитет, с другой стороны, данная легитимация возможна только при условии передачи прав суверена наднациональному центру¹. Таким образом, международное право, возвышаясь, одновременно самодискредитировалось, вырождаясь в «глобальное право», вежливо игнорирующее национально-государственную самобытность, внеконвенциональное, выражающее волю международных неправительственных организаций². Итак, стоявшая у истоков международного права западная цивилизация в конечном итоге выступила его могильщиком; будучи в авангарде общества постмодерна, канализировала международное право в пространство постмодернистских игр.

Собственно говоря, изначально система международного права была уязвима в силу имманентно присущей ей коллизии, открывавшей простор для вольных субъективных истолкований и практики двойных стандартов, порождающих в конечном итоге геополитический хаос. Ключевые антиномии международного права следующие: соблюдение прав человека / недопустимость вторжения во внутренние дела государства; обеспечение государственного суверенитета/права нации на самоопределение. Идея прав и свобод человека, утверждаемая модерном, в эпоху постмодерна доходит до высшей точки и неизбежно переходит в свою противоположность — самый жестокий тоталитаризм. Внутри европейских стран он проявляется в терроре меньшинств против исповедующего традиционные ценности большинства; на внешнеполитической арене — в порождающем хаос, насилие и смерть полицейском терроре против стран, якобы попирающих права личности.

Запад и сам попал в собственные силки, стал жертвой собственноручно сотворенного кумира «прав человека». Свою национально-государственную безопасность европейцы принесли в жертву защите прав и человеческого достоинства миллионов мигрантов из арабского мира и центральной Африки. Н. О. Курчинская-Грассо в отказе некоторых европейских стран «принимать беженцев» усматривает кризис международного права, ее возмущает «размещение их... в качестве людей второго сорта»³. В своем возмущении уважаемый автор не хочет замечать зарождения типичной химеры (термин Л. Гумилева), паразитирующей на теле европейских государств. Сотни тысяч людей, не имеющих отношения к Европе и созиданию ее тысячелетней культуры, сходят с корабля на европейский берег с сознанием того, что отныне эта земля безраздельно принадлежит им. В противовес Н. О. Курчинской-Грассо, мы видим явный признак деградации международного права в планомерном вытеснении коренных жителей европейских стран с их земель чужаками с мировоззрением саранчи.

Мы согласны с Р. З. Рувинским, что современная постмодернистская действительность возрождает средневековую концепцию «справедливой войны», но соглашаемся лишь отчасти. Мир средневековой традиции закладывал в данную концепцию метафизическое основание — утверждение трансцендентных ценностей (с учетом, конечно же, исторических издержек). Инфернальный по своей сути мир постмодерна пародирует концепцию справедливой войны; выхолащивая метафизический базис, трансформирует войну в спектакль по сценарию личных произволов. Дьявол, будучи обезьяной Бога, лишен творческих потенций, лишь копирует средневековые формы, наделяя их разрушительным смыслом. Когда необходимо обосновать прямую агрессию против суверенного государства, западная цивилизация извлекает на свет Божий жупел обеспечения демократии и защиты прав человека. Подобные фетиши служат ширмой, как правило, для достиже-

¹ См.: Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ., под общ. ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. С. 20.

² См.: Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформация, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 309, 310.

³ Курчинская-Грассо Н. О. Кризис современного международного права — наиболее проблемный вопрос // Colloquium-journal. 2019. № 23-9 (47). С. 33.

ния сиюминутных геополитических, экономических интересов, либо для удовлетворения древнего русофобского инстинкта. Последнее особенно ярко проявилось в ситуации, сложившейся в мировом спорте. Применяемая Западом практика двойных стандартов по отношению к России, в духе оруэловского «скотного двора» (есть равные, а есть те, кто равнее), подрывает не только институт международного права, но и олимпийское движение в целом. Западная цивилизация в области регуляции международного спорта обладает неограниченным административным ресурсом (европейцы возглавляют и МОК, и ВАДА). Это позволяет безнаказанно вести циничную грязную войну против российских атлетов (включая и паралимпийцев) и лоббировать интересы западных спортсменов. Россия превращена в страну-изгой — единственную страну, лишённую гимна и государственного флага, хотя доказательства принятия допинга так и не были представлены. При этом европейские и американские спортсмены принимают допинг «по медицинским показаниям» с разрешения ВАДА. Пункт 6 Олимпийской Хартии сегодня выглядит издевательством: «Любая форма дискриминации в отношении страны или лица — расового, религиозного, политического или иного характера, или по признаку пола — несовместима с принадлежностью к олимпийскому движению»¹. Отныне путь к мировым рекордам — не сила и ловкость, а хроническая болезнь (конечно, если речь идет о европейском или американском атлете). Спорт, где олимпийским чемпионом становится команда астматиков, где женская сборная США, потеряв палочку в эстафете, с разрешения судей бежит повторно в угрюмом одиночестве по стадиону, — такой спорт стоит воспринимать лишь как постмодернистскую игру.

Комизм аргументации, оправдывающей любые формы дискредитации государств (вплоть до полицейского вторжения), дополняет картину геополитических постмодернистских водевилей, сквозным сюжетом в которых выступает пробирка, потрясаемая нечистыми руками перед носом общественности. Таким образом К. Пауэлл «убеждает» членов ООН в наличии бактериологического оружия в Ираке, таким же образом ренегат Родченков «свидетельствует» о фальсификации допинг-проб российских атлетов.

Одним из признаков глобального кризиса Р. З. Рувинский считает тотальный распад государственных институтов. Соглашаясь с тезисом о кризисе государственности в целом, мы все же полагаем, что похороны государств преждевременны. Коллапс в Руанде, Сомали и на Украине не обязательно предвещает цепную реакцию («...далее везде»²). Указанные государства, скорее, не «failed states», а изначально провальные проекты. История украинской государственности не насчитывает и 30 лет. Образованное в 1991 году, уже в 2014 году это государство затрещало по швам. К тому же на распад Украины можно взглянуть с иного ракурса, в контексте теории С. Хантингтона о «расколотых странах» — искусственных образованиях, замкнувших внутри своих границ разные цивилизационные типы. Такие государства обречены на распад в результате неизбежных цивилизационных столкновений³. Украина — типичная расколотая страна, территория которой — арена борьбы Западно-католической и Русской Православной цивилизаций. И если верить гарвардскому профессору, в эпоху глобальных кризисов наибольшую актуальность приобретает национально-цивилизационная идентичность.

Исходя из этого, присоединение Крыма к России — вовсе не «удар по международному правопорядку»⁴, как полагает автор, а, во-первых, ликвидация исторического недоразумения, во-вторых, защита русских, над которыми нависла угроза, если не геноцида, то дискриминации. Удар по правопорядку был нанесен в Приштине — именно там была запущена цепная реакция парада суверенитетов. К тому же, если справедливость для правопорядка — не пустой звук, то она на стороне России, включившей в свой состав землю, за которую было пролито много русской крови, а не на стороне Запада, способствовавшего отрыву от Сербии священной для нее земли (Косово). Вряд ли односторонний выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности следует трактовать как ответную меру за присоединение Крыма к России. США попросту делают, что хотят, игнорируя мировую общественность и чучело международного права.

¹ Олимпийская хартия. URL: http://www.olympic.ru/upload/documents/about-committee/charter/charter_09_09_2013.pdf (дата обращения: 04.03.2021).

² Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформация, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. С. 157.

³ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

⁴ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформация, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. С. 302.